

**«ОТСЕЛЬ ГРОЗИТЬ МЫ БУДЕМ...»: ВОЕННЫЙ ФАКТОР ВО
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ФИНЛЯНДСКОГО В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

DOI: 10.25629/НС.2020.11.08

Петухова А.П.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Аннотация. В данной работе рассматривается военный фактор в качестве одной из возможных причин обращения монархии к политике унификации и русификации Великого княжества Финляндского в конце XIX – начале XX вв. Выявлены основные грани сотрудничества империи и края в военной сфере. Показаны все основные проблемы, которые видели представители имперской бюрократии в «особых правах» Финляндии с акцентом на роль княжества в обороне страны в случае наступления войны. Основное внимание уделено мнению самих военных по вопросам ужесточения политики в крае.

Ключевые слова: военный фактор, политика русификации и унификации Финляндии, русско-финские отношения, «финляндский вопрос», национальная политика самодержавия.

Основание Петром Великим Санкт-Петербурга на заболоченных берегах Финского залива имело двойные последствия. Нева и Балтика стали для России связующей нитью с Западной Европой. Но место будущей столицы сулило постоянные волнения по поводу ее безопасности. Со времен существования пути «из варяг в греки», эти территории были объектом притязаний не только карел и новгородцев, а позднее – Московского княжества, но и Швеции. Взаимные набеги, разрушение шведской столицы, Невская битва, основание шведской Ландскроны и ее разгром, переход земель по Неве к шведам в ходе Смутного времени, Северная война, борьба за Карельский перешеек и Выборг, попытки шведов взять реванш и наконец война с ними 1808–1809 гг., в результате которой в составе Российской империи оказалась Финляндия, – история этого региона не обещала спокойствия в будущем. Включение финских территорий отодвигало опасную границу на запад, но и актуализировало вопрос о взаимоотношениях с финнами.

Начиная с 1809 г. российские императоры должны были определять общее направление политики в финляндском крае. Он занял стратегическое положение в империи, играя роль ближайшего прикрытия Петербурга в случае нападения с северо-запада. Культурно-историческая близость финляндской окраины к Швеции, широкое распространение там шведского языка и культуры [Редигер А., с. 24, 35–36, 46–48, 80], просто высокий процент шведского населения на этой территории действительно имели место – и вызывали опасения. Но Александр I выбрал путь доверия финнам и завоевания популярности русской власти в крае, а потому предоставил новым подданным беспрецедентно большое количество прав и Выборгскую губернию в придачу.

Российское самодержавие придерживалось данного направления вплоть до 1890-х гг. С этого периода официальный Петербург начал постепенный дрейф в сторону политики русификации и унификации края. Взаимодействие между империей и Великим княжеством Финляндским было особенно напряженным, когда пост его генерал-губернатора занимал Н.И. Бобриников (1898–1904). Русско-финские отношения резко осложнило принятие манифеста от 3 февраля 1899 г. Он выводил из юрисдикции финляндского сейма вопросы, имевшие общегосударственное значение. Акт стал нормативной базой манифеста 1901 г. (автономное войско в крае ликвидировалось: финские стрелковые батальоны распускались, жители должны были служить в русских войсках) [34]. Ходили слухи, что решение по военному закону принято было ещё до его рассмотрения (особую роль при этом сыграл А.Н. Куропаткин). Позицию противников закона, среди которых, был и тогдашний премьер-министр С.Ю. Витте, учитывать не стали [Богданович, с. 261].

Данная политика была продолжена в эпоху П.А. Столыпина и далее вплоть до революции. Российское правительство больше никогда не возвращалось к той стратегии имперской гибкости, которую практиковало до 1890-х гг.

Причины смены стратегии до сих пор остаются дискуссионными. Многие современники и историки русско-финских отношений считали именно соображения военной безопасности главной причиной перехода имперского правительства к унификации и ими оправдывали его [Бахтурина, с. 233; Гурко, с. 124; Каменский, с. 87–90; Новикова, 1997, с. 136; Суни, с. 16]. Так, уже после революции 1917 г. П.Н. Милюков (которого вообще-то сложно заподозрить в апологетике действий российской монархии последних лет существования) продолжал настаивать на важности Финляндии для обороны и безопасности России, что делало, с его точки зрения, «финляндский вопрос» более острым, нежели прибалтийский или польский [33, с. 1]. Генерал Драгомиров (премьер-министр правительства Деникина) утверждал, что «владение Финляндией необходимо для защиты Петрограда» [25, с. 1].

На наш взгляд объяснение поворота к русификации военными причинами (и тем более – выдвигание их на первый план) содержит слишком много несоответствий с реальными особенностями развития «финляндского вопроса» именно в военной сфере.

В первую очередь, жесткая политика в отношении княжества и отсутствие всякой дипломатичности в методах её проведения выглядят совершенно не оправданными именно в том случае, если считать основным мотивом страх перед возможной войной на северо-западе. Такая политика провоцировала бы обострение конфликта с финнами и превращала бы их в потенциальных сторонников любого внешнего врага. Большинство современников оценивали финское население как лояльное вплоть до конца XIX в. В этом сходились консерваторы и либералы, юристы и военные (в том числе военный министр), об этом писала российская пресса [Бородкин, 1901, с. 51; 4, с. 1; 28 с. 5; Суни, 1976, с. 100]. По официальной версии, Петербург даровал Финляндии возможность созыва Сейма в 1863 г. именно в благодарность за проявленную на протяжении полувека лояльность. Но даже те среди военных, кто сомневался в лояльности населения княжества, не считали, что это повод для жесткой политики в нем.

В качестве примера приведем записку адмирала В. Мелихова, составленную в эпоху Великих реформ. Мелихов был уверен в существовании среди финнов неприязни и равнодушия в отношении России. Его общий вывод нетривиален, но вполне однозначен: «Всю Финляндию следует считать скорее шведской провинцией, чем русской областью; мы не владем ею, мы как будто храним ее для Швеции». Надо учитывать, что в тот период шведская угроза выглядела более реальной, чем несколько десятилетий спустя. Адмирал был склонен переоценивать реальность угрозы высадки шведских войск, прохода их через Финляндию и создания непосредственной опасности для Петербурга. Парадоксальной в этой связи выглядит программа действий, которую Мелихов предлагал в целях исправления ситуации. Коротко она заключается во фразе: «Надо иметь на своей стороне финское население». Для этого адмирал считал необходимым дать финнам те права, «которые никогда не давала им Швеция», проводить политику максимального поощрения финского языка и финской культуры, стимулировать деятельность финских народных школ [22, л. 152–168]. Мелихову нельзя отказать в гибкости, которая является обязательным компонентом подлинно имперского мышления, и политическом прагматизме. Он был не одинок – властные элиты империи предпочли именно этот вариант, параллельно всячески поддерживая движение финноманов в противовес шведскому влиянию. В 1860–1880-е гг. расширение «особых прав» княжества было продолжено. Итак, представители военной и политической элиты признавали или отрицали наличие у финнов лояльности к России – но и в том и в другом случае считали необходимым биться именно за эту лояльность как главное условие безопасности империи.

К тому же с середины XIX в. и до революции 1917 г. большинство российских военных не видело реальной практической угрозы со стороны Финляндии, которая требовала бы немедленных мер. Такой вывод можно сделать на основании анализа комплекса документов, отложившихся в различных подразделениях Военного министерства.

В 1874 г. в издании, составленном при Штабе Финляндского военного округа, описывался сценарий возможной борьбы со шведским десантом – однако это делалось во вполне спокойном тоне, без намека на возможное предательство финнов, отмечалась лишь необходимость поддержки жителей шхер [5, с. 174, 182]. В 1890 г. А.М. Золотарев (который спустя несколько лет примет участие в организации печатного органа «Окраины России» и будет входить в группу «национально мыслящих» публицистов, пропагандировавших необходимость унификации) подробно охарактеризовал военно-стратегическое положение Финляндии. На тот момент им не было отмечено ничего экстремного. Захват Финляндии другим государством в целях ослабления России или нападение на Петербург трактовались как чисто гипотетические и в очень большой степени зависящие от отношения местного населения (которое на тот момент Золотаревым, опять же, оценивалось как лояльное) [Золотарев, 1890, с. I–III, 16–19, 114–125]. В 1890 г. военное ведомство не поддержало меры по объединению вооруженных сил края с общероссийскими, которые предлагали Ф.Л. Гейден и Н.И. Бобриков (оба генерал-губернаторы края, сторонники унификации) [Полвинен, 1897, с. 40–41].

Обратимся к обзорным документам военного ведомства, предназначенным исключительно для внутреннего пользования. Для отчетов как типа документации характерно выделение проблемных и приоритетных направлений в обеспечении безопасности империи. Ситуация в финляндском крае описывалась в отчетах во вполне спокойных тонах, а о проблемах, муссировавшихся в связи с «финляндским вопросом» в прессе, даже не упоминалось. В обзоре деятельности Военного министерства в царствование Александра III, в том числе в брошюре о мобилизационной готовности войск, имевшей секретный статус, не содержалось практически никаких специальных соображений относительно княжества. При этом издание включало в себя список рекомендаций по отношению к Царству Польскому, казачеству, Средней Азии, Туркестану, Кавказу и другим проблемным, с точки зрения составителей, регионам. Авторы высказывали соображения и по оптимизации военного управления различных регионов, и по более тесному единению с империей – то есть по тем вопросам, которые вообще-то считались ключевыми для сторонников унификации финляндского края, беспокоившихся о безопасности границ. Но применительно к Финляндии указывался лишь ее особый статус и перечислялись статистические показатели [38, с. 1, 10, 32, 35, 60–76, 83, 149, 202, 299]. За период с 1881 по 1901 гг. в недрах Главного штаба Военного министерства отложились документы о предупреждении и подавлении волнений в Варшавском, Виленском, Одесском, Киевском, Харьковском военных округах, а также целом ряде губерний, Кубанской области и Области Войска Донского (часто не единожды), но не в Великом княжестве Финляндском [47].

Составители отчетов Военного министерства за 1890-е гг. отмечали отличное нравственное состояние финского офицерства и удовлетворительное – низших чинов, уменьшение дисциплинарных взысканий, высокую грамотность [6, с. 3–13; 7, с. 3–7, 23, 28–31, 31–42, 52]. Традиционно печалила лишь некомплектность личного офицерского состава, хотя и она была признана некритичной [8, с. 1–14; 9, с. 1–2; 10, с. 1–3]. Характерно, что даже в конце 1890-х гг. составители исторической справки и конкретных рекомендаций по изменениям в финляндской воинской организации практически не упоминали о каких-либо конкретных реальных военных опасностях для края. Они строили основную аргументацию вокруг теоретических рассуждений о необходимости сближения финских и русских войск, подлинного объединения Финляндии с империей, а также «коренной необходимости моментального и полного следования пожеланиям императоров на этот счет» [4, с. 12, 19–20, 26]. Все эти тезисы перекочевали в отчеты из консервативной прессы, в который активно обсуждалась принципиальная неприемлемость «особых» финляндских прав. Единственной проблемой, собственно, в войсках, на которую обращали внимание в конце 1890-х гг., было слабое владение солдат и офицеров русским языком, что и предлагалось исправить [9, с. 8].

В начале 1900-х гг. в отчетах появились сетования на слабую связь финляндского и русского офицерского состава, «без которой члены единой семьи не могут быть сплочены», и рекомендовалось ввести русскую форму присяги для новобранцев (в целях сплочения). Но по-прежнему отмечались высокий нравственный уровень офицерского и рядового состава финляндских войск,

почти поголовная грамотность [9, с. 2, 8; 11, с. 3, 8]. Данные «для внутреннего пользования» в Военном министерстве подтверждают наблюдения Л. Мехелина (при всей тенденциозности последнего): «до 1899 г. не возникало затруднений в военных вопросах», русские и финляндские войска действовали совместно; финские военные части удостоивались похвалы монарха, и «участие Финляндии в общей обороне было постоянно хорошо и прочно» [Мехелин, 1908, с. 70].

В обобщенном обзоре Военного министерства за 1898–1902 гг. упоминалась деятельность английских агентов в ряде областей в азиатской части России, однако ни намек не было на какое-либо тревожное движение в Финляндии [13, с. 3, 5, 34, 60–61]. Первый случай, когда Финляндия упоминается наряду с губерниями Прибалтики, Польши, Украины, Кавказа и средней полосы России как объект командирования войск для предупреждения и подавления революционных волнений, был зафиксирован весной-летом 1902 г. [47, д. 2471, по 1906 г. – д. 2746]. В 1903 г. упоминания о Финляндии даны в контексте административных преобразований, проведения военно-топографических работ и ряда других сюжетов, никакого отношения к каким-либо «проблемным» сторонам состояния армии или края в целом не имеющим [37, с. 5, 10–11, 23, 85, 99]. Обострение ситуации на Балтике в 1905–1906 гг. – факт известный, напрямую связанный как с общими революционными событиями в Российской империи, так и с реакцией финнов на активный период русификации, связанный с генерал-губернаторством Н.И. Бобрíkова.

«Внутриведомственным» оценкам ситуации в Финляндии отвечают данные по реальной ситуации в Балтийском регионе в интересующий нас период. Первое десятилетие XX в. на Балтике оказалось более бурным, нежели предшествовавшее. Но, в общем и целом, регион продолжал считаться относительно спокойным, и поддержание status-quo было приоритетной задачей царской дипломатии. В первой половине десятилетия основные военные силы были сосредоточены на азиатском направлении [Игнатьев, 1986, с. 23, 26, 36].

В начале XX в. встречалось мнение, что главным врагом русских интересов в крае является шведская партия, «кучка шведской аристократии и руководимой ею финской интеллигенции» [48, л. 1–1 об., 2]. Шведское происхождение многих представителей финляндской активной общественности признавали не только консерваторы, настроенные защищать политику русификации края [Гессен, 1937, с. 236]. Но военными вопрос о возможном нападении Швеции практически не считался реальной угрозой [Полвинен, 1997, с. 37, 40–41; Соломещ, 1992, с. 19; Суни, 1976, с. 25].

В российском Генштабе обсуждалась возможность создания Северно-Европейских Соединенных Штатов и потенциальное вступление Швеции в войну на стороне немцев [Сергеев, 2001, с. 3–7, 23, 28–31, 31–42, 52]. Есть сведения о тревожных оценках представителями военного ведомства ситуации там в связи с широким распространением революционных настроений на Балтийском флоте, вылившихся в «кронштадтские восстания» в октябре 1905 и летом 1906 гг. [Данилов, 2000, с. 71–72; Поливанов, 1924, с. 82]. Тогда же существовала реальная проблема нелегального ввоза оружия через Балтику [Игнатьев, 1986, с. 23]. Однако после подавления революции острота ее снизилась.

В 1908 г. Россия провела переговоры со Швецией, Данией и Германией и подписала «балтийскую декларацию», по которой лишалась права возводить укрепления на Аландских островах. Эти острова являлись спорной территорией, в судьбе которой Швеция проявляла особую заинтересованность. Для нее было важно не допустить, чтобы Россия использовала их как плацдарм для наступления в северном направлении [40, с. 30–34]. Россия пошла ей навстречу. В апреле 1911 г. было подписано соглашение об установлении прямого железнодорожно-водного сообщения России со Швецией [51, с. 4]. Его назначением считалось увеличение товарооборота двух стран, но очевидно, что новые пути могли использоваться и для военных целей. Россия этого не боялась. Такое положение в русско-шведских отношениях сохранилось и в дальнейшем.

Финны не только не подвергались никакой дискриминации с точки зрения продвижения по бюрократической линии военного ведомства в Петербурге, но работали на постах, дававших доступ к секретным сведениям. В частности, в Академии Генштаба в 1909 году работал Оскар

Карлович Энкель, сын важного финского сановника в Гельсингфорсе, – не скрывавший своих симпатий к Финляндии и Швеции, хорошо владевший финским и шведским. При этом он занимал не малозначимую должность, а был помощником правой руки Данилова – Николая Монкевица, главы разведывательного отделения, который выполнял «наиболее ответственные и секретные приказания и поручения», «сам составлял и собственноручно перепечатывал на машинке все секретные бумаги на имя начальника Генштаба, военного министра, МИД и пр.» [Самойло, 1958, с. 114].

В самом начале Первой мировой войны позиция Швеции вызывала в Петербурге некоторые опасения. Но при этом почти сразу начал активно обсуждаться вопрос о строительстве железнодорожной ветки, соединяющей финляндскую сеть железных дорог со шведской, для облегчения русско-шведских поставок [21, с. 71, 99, 101, 112, 114, 131]. Швеции потребовалось примерно полгода, чтобы осознать выгодность позиции нейтралитета, и в дальнейшем этот вопрос уже не вызывал у российского руководства серьезных опасений. Но даже существовавшие на начальном этапе сомнения не заставили российские власти уделить большее внимание лояльности финнов. Напротив, в российском Совете министров с апреля 1914 г. обсуждался проект дальнейшего ограничения автономии, который в финской историографии получил название «программа русификации». Документ был принят в ноябре 1914 г., в разгар войны, под названием «Программа законодательных предложений и мер по Великому княжеству Финляндскому» [Новикова, 2002, с. 79; Соломещ, 1992, с. 12, 14].

Надо иметь в виду, что даже к 1914 г. далеко не все население поддерживало сепаратистское направление [Дубровская, 2001, с. 179]. Было известно и о широкой поддержке финнами России в условиях начавшейся мировой войны – на заседании Совета министров с удивлением констатировали, что «наплыв финнов в войска... превышает все ожидания» [21, с. 64]. Принять на основе программы конкретные законы правительство не успело, более того, осуществление предложенных мер в обозримом будущем и не планировалось её создателями [Новикова, 2002, с. 80; Новикова, 1997, с. 141–143]. Тем не менее, она была немедленно опубликована. За этим последовала закономерная вспышка недовольства финнов. С принятием программы распространение прогерманских настроений в крае резко усилилось, публикация ускорила и создание егерского движения – которое поднимает вопрос о возможности перехода Финляндии на сторону Германии [Соломещ, 1992, с. 16, 27].

Помимо опасений в отношении Швеции, ключевым «военным аспектом» среди мотивов давления на Финляндию можно назвать строительство Германией ВМФ на Балтике. Но нажим на Финляндию со стороны российского правительства начался раньше принятия германских военно-морских программ. Специалисты по германо-финляндским отношениям считают, что вплоть до Первой мировой войны Финляндия являлась для Германии периферийным регионом, объектом чисто экономического проникновения. В германском Генштабе накануне войны не существовало планов захвата Финляндии [Новикова, 2002, с. 54], они появились позже, когда развитие егерского движения показало прогерманскую настроенность многих финляндцев (именно после публикации «ноябрьской программы» [Юттикала, 1995, с. 61], а не ранее). Видимо, в российском Военном министерстве догадывались об этом, поскольку постройка дополнительных укреплений на случай германского десанта на побережье Финляндии была начата только в 1912 г. [Соломещ, 1992, с. 19]. Даже к 1914 г. должная оборона Петербурга и восточной части Финского залива не была обеспечена. Что касается безопасности морских границ империи, то, по оценкам специалистов, на Балтике даже к началу Первой мировой войны отсутствовал дееспособный флот. Это сильно тревожило военное ведомство [Поликарпов, 2000, с. 47] – однако за десятилетия активного обсуждения «финляндского вопроса» не было сделано никаких практических шагов, чтобы развеять эти тревоги.

Очень характерна информация, которую сообщает в своем дневнике Михаил Лемке во время своей службы в Ставке во время Первой мировой войны. По его словам, в Ставке только в феврале 1916 года стало известно о «надеждах немцев... на Финляндию и Швецию» и о военной подготовке молодых финнов в Германии [Лемке, 1920, с. 538]. Именно Лемке было поручено подготовить заключение о достоверности сообщений о подготовке финнами запасов

продовольствия на случай прихода шведской или немецкой армий. В итоге он признал эти сведения неубедительными и приписал их, как всегда, неточной статистике чрезмерно бдительного жандармского ведомства. Характерно, что такого же мнения придерживался начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев и ряд других высших чиновников. Мнение властей было озвучено в итоге генерал-лейтенантом В.А. Марковым, министром статс-секретарем ВКФ: «Финляндия вполне лояльна по отношению к России и слишком равнодушна к судьбе Германии» [Лемке, 1920, с. 667–669].

Следующий блок аргументов против стремления объяснять активную русификацию соображениями безопасности затрагивает реальные действия, которые предпринимали российские власти, и практическую отдачу от них. Вернемся к принятому в 1901 г. манифесту. Из всех 26 тысяч подлежащих воинской повинности финнов на действительную военную службу были привлечены лишь 280 солдат в 1902 и 190 в 1903 гг. В 1904 г. контингент новобранцев в крае составил 190 человек [15, л. 4]. Остальные находились под постоянной угрозой призыва, что никак не могло улучшить их отношения к империи, защиты которой от них требовали. Более того, ставя недовольных под ружье, русское правительство фактически само готовило своих же будущих противников, о чем говорил ещё Витте [Полвинен, 1997, с. 109]. В результате знаменитого «пассивного сопротивления» финских призывников, закон этот так никогда и не начал исполняться в том объеме, в котором планировалось при его принятии. В 1908 г. было признано, что восстанавливать расформированные финские войска и принуждать их к службе «несвоевременно», и предлагалось заменить эту повинность денежной [47, д. 3214, л. 20, 22]. В Финляндии был введен ежегодный «военный налог» (от 2 до 15 млн финских марок) в качестве компенсации за фактическое неисполнение воинской повинности [31, с. 1]. Вопрос о производстве соответствующих выплат из финляндской казны взамен отбывания финнами воинской повинности слушался в заседании Государственного совета в 1911 г. Участники заседания пришли к выводу, что размер выплат недостаточен и сам принцип лишь частично решает проблему уравнивания военно-финансовых тягостей между финнами и остальными жителями империи. Император утвердил одобренный Думой и Госсоветом соответствующий законопроект о денежных взносах вместо отбывания финнами воинской службы в начале 1912 г. [46, Протокол от 14 декабря 1911 г., с. 2; Протокол от 10 января 1912 г., с. 3–4]. Вряд ли колоссальный удар по лояльности финнов, нанесенный манифестом, хоть в какой-то степени был оправдан теми реальными его последствиями, которые описаны выше.

В этой связи очень характерны указания профессора Берендтса. Этот юрист относился скорее к группе лиц, поддерживающих политику унификации края. Характеризуя особенности финляндских территорий с военной точки зрения, он указывал, что они могут быть использованы русскими для обороны «лишь при неперемennom условии полного нашего господства в этом крае» [14, л. 2]. Однако он делал весьма неутешительные выводы касательно обеспечения интеграции финляндских территорий в военном отношении и организации русского военного присутствия там на момент начала 1906 г. Получалось, что никаких реальных успехов русская власть не добилась, более того – невзирая на всю шумиху в прессе по поводу «финляндского вопроса», ничего срочного не было предпринято ни по объединению финляндских лощманов с русским морским ведомством, ни по более разумной организации железных дорог, ни по защите границ. Описывая слабость соединения финляндской окраины и центра, ущербность единственной железнодорожной линии Петербург–Выборг, к тому же уязвимой с моря, Берендтс отдельно указал на военное значение телеграфа, который практически полностью находился в финляндском ведении. При этом он также отметил очевидное: «...надежность действия их (телеграфистов. – А.П.) будет в соответствии с чувствами к нам местного населения». Но по словам самого профессора, именно они и претерпели за последние годы значительные изменения в худшую сторону вследствие обострения отношений с русской государственной властью [14, л. 1–5].

Возвращаясь к практическим действиям российских властей по обеспечению безопасности, надо отметить, что постройка железных дорог и соединительной линии между имперской и финляндской железнодорожной сетью имела место быть [12, с. 13]. Но в целом вмешательство

монархии в автономию железнодорожного хозяйства Финляндии и попытки его милитаризации в связи с ожидаемой с начала XX века войной так и не привели к реальным результатам [Polvinen, 1962, S. 184]. Намерение правительства изменить характер железнодорожного строительства в Финляндии (в пользу веток на востоке края) осталось на бумаге, а в 1906 г. Финляндии удалось добиться строительства ветки на севере региона. Что касается рационального использования уже построенных железных дорог, то русское командование не потрудились даже составить единого плана мобилизационной готовности для России и Финляндии, в силу чего военное значение финляндских железных дорог оказалось ничтожным (Похлебкин, 1975, с. 19). В 1911 г. ещё только говорили о необходимости прочного соединения русской железнодорожной сети с финляндскими железными дорогами, без которого экспорт российского хлеба на окраину настолько осложнялся, что становился невыгодным (39, с. 3). Неторопливость властей в этом отношении становится особенно показательной, если учесть, что соответствующий проект объединения железных дорог был принят ещё весной 1909 г. [17, с. 7]. Проекты железнодорожного строительства в стратегически выгодном империи направлении и в целях повышения мобилизационной готовности железных дорог края в непосредственной близости войны были утверждены Советом министров только в апреле 1914 г. В сентябре того же года они были одобрены Николаем II, и то не в качестве первоочередных (приоритетными были признаны меры по контролю за исполнением законов в крае, поддержанию в нем порядка и надзору Министерства народного просвещения за финскими учебными заведениями, основной целью программы осталось обеспечение преобладающего влияния русских властей в финляндском государственном аппарате) [Кяйвяпйнен, 1965; Соломещ, 1992, с. 12–13].

Рассмотрение мероприятий российских властей в области той грани «финляндского вопроса», которая касалась обеспечения безопасности северо-западных границ империи вообще и Санкт-Петербурга в частности, позволяет прийти к следующим выводам. Базовые мероприятия первого периода русификации Финляндии были предприняты до появления каких бы то ни было обстоятельств, которые могли бы угрожать безопасности Петербурга и империи в целом и воспринимались бы в таком качестве собственно военными. В целом во второй половине XIX – начале XX в. военные не считали ситуацию в финляндском крае реальной угрозой безопасности империи. Ситуация не изменилась и в ходе Первой мировой войны. Более того, даже те конкретные действия по обеспечению безопасности, которые никак не ограничивались «особыми правами» княжества, но напрямую зависели от политической воли российских властей, претворялись в жизнь очень и очень медленно, а нередко и вовсе оставались на бумаге.

Большинство политиков и военных самого высокого уровня считали, что именно лояльность финнов является главной гарантией безопасности северо-западных границ империи и успешных военных действий на данном фронте, если они потребуются. Однако проведение политики русификации и унификации Финляндии напрямую вело к утрате лояльности финнов по отношению к империи. В российском общественно-политическом пространстве конца XIX – начала XX в. место «надменного соседа» было занято уже не шведами, которые уже почти не упоминались, а именно финнами. Возникает ощущение, что, как в случае со срочной публикацией «ноябрьской программы», многие мероприятия российской власти если и не делались «назло» этому соседу, то по крайней мере не были продиктованы соображениями практической пользы.

Безусловно, мотив «борьбы за безопасность Петербурга» использовался в качестве аргумента «антифинляндской политики» – и стал привычным козырем в первую очередь для консервативных сторонников политики унификации края. Но приведенные обстоятельства не позволяют считать военно-стратегический фактор подлинной причиной развития «финляндского вопроса» в Российской империи в 1880–1917 гг.

Библиография

1. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. 392 с.
2. Богданович А.В. Три последних самодержца. М.: Пг., 1924. 572 с.

3. Бородкин М.М. Г.-М. Армфельт и его русско-финские отношения. Исторический очерк. СПб., 1901. 168 с.
4. Военное министерство. Доклад по Главному штабу. 22 мая 1898. История составления и утверждения финляндского устава о воинской повинности.
5. Военное обозрение Финляндского военного округа. Гельсингфорс, 1876. 750 с.
6. Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1895 год. СПб., 1897. 1197 с.
7. Всеподданнейший доклад по Военному министерству. СПб., 1896.
8. Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1897 год. СПб., 1899. Приложение. Отчет о состоянии финских войск. 14 с.
9. Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1898 год. СПб., 1900. Приложение. О состоянии финских войск. 1349 с.
10. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1899 год. СПб., 1901. 1327 с.
11. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1900 год. СПб., 1902. 1420 с.
12. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1911 год. СПб., 1913. 84 с.
13. Всеподданнейший отчет о мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие 1898-1902 гг. СПб, 1904. 133 с.
14. ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 482. Военное значение Финляндии для России. Лекция профессора Берендтса об автономии балтийских губерний и Финляндии 27 января и 2 февраля 1906 года.
15. ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1496. Особый журнал заседания Совета министров по вопросу о военных платежах Финляндии Государственному казначейству и справки Н.В. Плеве по тому же вопросу. Журнал высочайше учрежденного совещания по делам Великого княжества Финляндского.
16. Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. 424 с.
17. Гражданин. 1909. № 39.
18. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. 746 с.
19. Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода российской монархии. М., 2000. 288 с.
20. Дубровская Е. Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финляндцев // *Ab imperio*. 2001. № 4. С. 169–194.
21. Записи А.Н. Яхонтова, сделанные во время заседаний Совета министров в 1914–1916 гг. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. 560 с.
22. Записка адмирала В. Мелихова «О направлении, которое полезно было бы принять для правительственных распоряжений в Финляндии» от 26 декабря 1861 года // РГИА Ф. 1250. Оп. XVI. Д. 4. Ч. IV. Из дел графа Блудова. Л. 152–168.
23. Золотарев А.М. Военно-статистический очерк Финляндии. Курс Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1890. 240 с.
24. Игнатьев А.В. Балтийский вопрос во внешней политике России 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 1986. № 3.
25. Известия Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1919. 22 августа.
26. Каменский Н. Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. СПб., 1908. 65 с.

27. Клинге М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1990. 161 с.
28. Корф С.А. Положение Финляндии // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. № 54. 7 (12) марта.
29. Кяйвярайнен И.И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965. 284 с.
30. Лемке М. 250 дней в Царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. 859 с.
31. Манифест о производстве финляндской казной Государственному казначейству денежных платежей взамен отбывания жителями Великого княжества Финляндского личной воинской повинности // Гражданин. 1909. № 77–78.
32. Мехелин Л. Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор. СПб., 1908. 159 с.
33. Милкоков о Финляндии // Известия Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1919. 26 ноября.
34. Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. М., 1997. 413 с.
35. Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 130–149.
36. Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. 300 с.
37. Общий обзор состояния и деятельности всех частей Военного министерства за 1903 год. СПб., 1905. 146 с.
38. Обзор деятельности Военного министерства в царствование Императора Александра III. 1881–1894. СПб., 1903. 299 с.
39. Одна из причин экономического завоевания Германией финляндского рынка // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 95. 30 апреля.
40. Монархия перед крушением. 1914–1917. Из бумаг Николая II. Л., 1927. 309 с.
41. Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997. 319 с.
42. Polvinen T. Die Finnischen Eisenbahnen in der militarischen und politischen Planen Russlands vor dem Ersten Weltkrieg. Lahti, 1962. 295 S.
43. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. Т. I. М., 1924. 240 с.
44. Поликарпов В.В. Власть и флот в России в 1905–1909 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 32–50.
45. Похлёбкин В.В. СССР–Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975. 408 с.
46. Протоколы заседаний Государственного совета. 1–81. Сессия VII. 1911–1912 гг. Протокол от 14 декабря 1911 г. Протокол от 10 января 1912 г.
47. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 1. Главный штаб Военного министерства. О командировании войск для предупреждения и подавления волнений. Д. 2103, 2116, 2135, 2167, 2181, 2200, 2221, 2245, 2279, 2300, 2321, 2341, 2383, 2399, 2471, 2423, 2442, 2746, 3214.
48. РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 93.
49. Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I–II. М., 1999. 574 с.
50. Самойло А. Две жизни. М., 1958. 275 с.
51. Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 76. 5 апреля.

52. Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо». Запад и военная элита России. 1900–1914. М., 2001. 285 с.

53. Соломеш И.М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны. Петро-заводск, 1992. 95 с.

54. Суни Л.В. О месте Финляндии в военно-стратегических планах царизма в 80-е гг. XIX в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1976. С. 100–111.

55. Суни Л.В. Самодержавие и общественно политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982. 160 с.

56. Ютиккала Э. История Финляндии с древнейших времен до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 39–67.

Петухова Александра Павловна. Аспирантка, кафедра истории России XIX века – начала XX века, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: egorovaal@yandex.ru

**“FROM HERE WE WILL THREATEN...”: THE WAR FACTOR IN THE RELATIONS
BETWEEN RUSSIAN EMPIRE AND THE GRAND DUCHY OF FINLAND
(LATE XIX – EARLY XX CENTURY)**

DOI: 10.25629/HC.2020.11.08

Petukhova A.P.

Moscow Lomonosov State University

Moscow, Russia

Abstract. This article deals with the war factor as, probably, an explanation of the turn of the autocracy to the policy of the unification and the russification in the Grand Duchy of Finland at the end of the 19th century. The author of this work finds out main aspects of the cooperation between the Empire and the Duchy in the military field. The main attention is paid to the analysis of particular military’s points of views on this subject including the role of the Finnish army in case of real war.

Keywords: the war factor, the policy of the unification and the russification of Finland, Russian-Finnish relations, Finnish question, the national policy of the Autocracy.

References

1. Bahturina A.Yu. *Okrainy Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naya politika v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gg.)* [Outskirts of the Russian Empire: State Administration and National Policy during the First World War (1914-1917)]. Moscow, 2004. 392 p.

2. Bogdanovich A.V. *Tri poslednih samodержca* [Three last autocrat]. Moscow: Pg., 1924. 572 p.

3. Borodkin M.M. G.-M. *Armfel't i ego rusско-finskie otnosheniya. Istoricheskij ocherk* [Armfelt and his Russian-Finnish relations. Historical sketch]. St. Petersburg, 1901. 168 p.

4. *Voennoe ministerstvo. Doklad po Glavnomu shtabu. 22 maya 1898. Istoriya sostavleniya i utverzhdeniya finlyandskogo ustava o voinskoj povinnosti* [War Ministry. Report on the General Staff. May 22, 1898. The history of the compilation and approval of the Finnish military service regulations].

5. *Voennoe obozrenie Finlyandskogo voennogo okruga* [Military Review of the Finnish Military District]. Gel'singfors, 1876. 750 p.

6. *Vsepoddannejsnij otchet Voennogo ministerstva za 1895 god* [The most respected report of the Ministry of War for 1895]. St. Petersburg, 1897. 1197 p.
7. *Vsepoddannejsnij doklad po Voennomu ministerstvu* [Most Subject Report by the War Department]. St. Petersburg, 1896.
8. *Vsepoddannejsnij otchet Voennogo ministerstva za 1897 god* [The most submissive report of the Ministry of War for 1897]. St. Petersburg, 1899. Prilozhenie. Otchet o sostoyanii finskih vojsk. 14 p.
9. *Vsepoddannejsnij otchet Voennogo ministerstva za 1898 god* [The all-subject report of the Ministry of War for 1898.]. St. Petersburg, 1900. Prilozhenie. O sostoyanii finskih vojsk. 1349 p.
10. *Vsepoddannejsnij otchet o dejstviyah Voennogo ministerstva za 1899 god* [The most respected report on the actions of the Ministry of War for 1899]. St. Petersburg, 1901. 1327 p.
11. *Vsepoddannejsnij otchet o dejstviyah Voennogo ministerstva za 1900 god* [The most respected report on the actions of the Ministry of War for 1900]. St. Petersburg., 1902. 1420 p.
12. *Vsepoddannejsnij otchet o dejstviyah Voennogo ministerstva za 1911 god* [The most submissive report on the actions of the Ministry of War for 1911]. St. Petersburg., 1913. 84 p.
13. *Vsepoddannejsnij otchet o meropriyatiyah Voennogo ministerstva, vypolnennyh za pyatiletie 1898-1902 gg* [The most submissive report on the activities of the Ministry of War, carried out during the five years 1898-1902]. St. Petersburg, 1904. 133 p.
14. GA RF. F. 555. Op. 1. D. 482. *Voennoe znachenie Finlyandii dlya Rossii. Lekciya professora Berendtsa ob avtonomii baltijskih gubernij i Finlyandii 27 yanvarya i 2 fevralya 1906 goda* [GA RF. F. 555. Op. 1. D. 482. The military significance of Finland for Russia. Lecture by Professor Berendts on the autonomy of the Baltic provinces and Finland on January 27 and February 2, 1906].
15. GA RF. F. 586. Op. 1. D. 1496. *Osobyj zhurnal zasedaniya Soveta ministrov po voprosu o voennyh platezhah Finlyandii Gosudarstvennomu kaznachejstvu i spravki N.V. Pleva po tomu zhe voprosu. Zhurnal vysochajshe uchrezhdenogo soveshchaniya po delam Velikogo knyazhestva Finlyandskogo* [GA RF. F. 586. Op. 1. D. 1496. A special journal of the meeting of the Council of Ministers on the issue of military payments of Finland to the State Treasury and information from N.V. Spit on the same issue. Journal of the Supreme Council for the Affairs of the Grand Duchy of Finland].
16. Gessen I.V. *V dvuh vekah. Zhiznennyj otchet. Arhiv russkoj revolyucii* [In two centuries. Life Report. Archive of the Russian Revolution]. Berlin, 1937. Vol. 22. 424 p.
17. *Grazhdanin* [Citizen]. 1909. No 39.
18. Gurko V.I. *Cherty i siluety proshlogo* [Features and silhouettes of the past]. Moscow, 2000. 746 p.
19. Danilov Yu.N. *Na puti k krusheniyu. Ocherki poslednego perioda rossijskoj monarhii* [On the road to ruin. Essays on the last period of the Russian monarchy]. Moscow, 2000. 288 p.
20. Dubrovskaya E. *Pervaya mirovaya vojna v Finlyandii: imperiya protiv nacii, rossijskaya armiya protiv finlyandcev* [World War I in Finland: empire against nation, Russian army against Finnish]. *Ab imperio*. 2001. No 4. P. 169–194.
21. *Zapisi A.N. Yakhontova, sdelannye vo vremya zasedanij Soveta ministrov v 1914–1916 gg. // Sovet ministrov Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny. Bumagi A.N. Yakhontova. (Zapisi zasedanij i perepiska)* [A.N. Yakhontov, made during the meetings of the Council of Ministers in 1914-1916. // Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War. A.N. Yakhontova. (Meeting records and correspondence)]. St. Petersburg., 1999. 560 p.
22. *Zapiska admirala V. Melihova "O napravlenii, kotoroe polezno bylo by prinyat' dlya pravitel'stvennyh rasporyazhenij v Finlyandii" ot 26 dekabrya 1861 goda* [Note by Admiral V. Melikhov "On the direction that would be useful to take for government orders in Finland" dated December 26, 1861]. RGIA F. 1250. Op. XVI. D. 4. CH. IV. Iz del grafa Bludova. L. 152–168.
23. Zolotarev A.M. *Voенно-statisticheskij ocherk Finlyandii. Kurs Nikolaevskoj akademii General'nogo shtaba* [Military statistics sketch of Finland. Course of the Nikolaev Academy of the General Staff]. St. Petersburg., 1890. 240 p.

24. Ignat'ev A.V. Baltijskij vopros vo vneshnej politike Rossii 1905–1907 gg. [The Baltic issue in the foreign policy of Russia 1905-1907.]. *Voprosy istorii*. 1986. No 3.
25. *Izvestiya Petrogradskogo Soveta rabochih i krest'yanskih deputatov*. 1919. 22 avgusta [News of the Petrograd Soviet of Workers 'and Peasants' Deputies. 1919.22 August].
26. Kamenskij N. *Sovremennoe polozhenie Finlyandii s tochki zreniya oborony gosudarstva* [Finland's current position in terms of national defense]. St. Petersburg., 1908. 65 p.
27. Klinge M. *Ocherk istorii Finlyandii* [Outline of the history of Finland]. Hel'sinki, 1990. 161 p.
28. Korf S.A. Polozhenie Finlyandii [Finland position]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 1912. No 54. 7 (12).
29. Kyajvyaryajnen I.I. *Mezhdunarodnye otnosheniya na severe Evropy v nachale XIX v. i prisoedinenie Finlyandii k Rossii v 1809 g.* [International relations in the north of Europe at the beginning of the 19th century. and the accession of Finland to Russia in 1809] Petrozavodsk, 1965. 284 p.
30. Lemke M. *250 dnej v Carskoj stavke (25 sentyabrya 1915 – 2 iyulya 1916)* [250 days at the Tsar's headquarters (September 25, 1915 - July 2, 1916)]. Petrograd, 1920. 859 p.
31. Manifest o proizvodstve finlyandskoj kaznoj Gosudarstvennomu kaznachejstvu denezhnyh platezhej vzamen otbyvaniya zhitelyami Velikogo knyazhestva Finlyandskogo lichnoj vojskoj povinnosti [Manifesto on the production of monetary payments by the Finnish treasury to the State Treasury in exchange for personal military service by residents of the Grand Duchy of Finland]. *Grazhdanin*. 1909. No 77–78.
32. Mekhelin L. *Raznoglasiya po russko-finlyandskim voprosam. Kriticheskij obzor* [Disagreements on Russian-Finnish issues. Critical review]. St. Petersburg., 1908. 159 p.
33. Milyukov o Finlyandii [Milyukov about Finland]. *Izvestiya Petrogradskogo Soveta rabochih i krest'yanskih deputatov*. 1919. 26 November.
34. *Nacional'naya politika v imperatorskoj Rossii. Civilizovannye okrainy* [National policy in imperial Russia. Civilized outskirts]. Moscow, 1997. 413 p.
35. Novikova I.N. Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe v imperskoj politike Rossii. *Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX v.)* [The Grand Duchy of Finland in the imperial policy of Russia. *Imperial system of Russia in the regional dimension (XIX - early XX century)*]. Moscow, 1997. P. 130–149.
36. Novikova I.N. “*Finskaya karta*” v nemeckom pas'yanse: Germaniya i problema nezavisimosti Finlyandii v gody Pervoj mirovoj vojny [“The Finnish Card” in German Solitaire: Germany and the Problem of Finnish Independence during the First World War]. St. Petersburg., 2002. 300 p.
37. *Obshchij obzor sostoyaniya i deyatel'nosti vsekh chastej Voennogo ministerstva za 1903 god* [General overview of the state and activities of all parts of the War Ministry in 1903]. St. Petersburg., 1905. 146 p.
38. *Obzor deyatel'nosti Voennogo ministerstva v carstvovanie Imperatora Aleksandra III. 1881–1894* [Review of the activities of the War Ministry during the reign of Emperor Alexander III. 1881-1894]. St. Petersburg., 1903. 299 p.
39. Odnaz iz prichin ekonomicheskogo zavoevaniya Germaniej finlyandskogo rynka [One of the reasons for the economic conquest of the Finnish market by Germany]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 1911. No 95. 30 april.
40. *Monarhiya pred krusheniem. 1914–1917. Iz bumag Nikolaya II* [Monarchy before the collapse. 1914-1917. From the papers of Nicholas II]. Leningrad, 1927. 309 p.
41. Polvinen T. *Derzhava i okraina. N.I. Bobrikov – general-gubernator Finlyandii 1898–1904 gg.* [Power and outskirts. N.I. Bobrikov - Governor-General of Finland 1898-1904]. St. Petersburg., 1997. 319 p.
42. Polvinen T. Die Finnischen Eisenbahnen in der militarischen und politischen Planen Russlands vor dem Ersten Weltkrieg. Lahti, 1962. 295 S.

43. Polivanov A.A. *Iz dnevnikov i vospominanij po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoshchnika. 1907–1916 gg.* [From diaries and memoirs on the post of Minister of War and his assistant. 1907-1916]. Vol. I. Moscow, 1924. 240 p.
44. Polikarpov V.V. *Vlast' i flot v Rossii v 1905–1909 gg.* [Power and Navy in Russia in 1905-1909]. *Voprosy istorii.* 2000. No 3. P. 32–50.
45. Pohlyobkin V.V. *SSSR–Finlyandiya. 260 let otnoshenij. 1713–1973* [USSR – Finland. 260 years of relationship. 1713-1973]. Moscow, 1975. 408 p.
46. *Protokoly zasedanij Gosudarstvennogo soveta. 1–81. Sessiya VII. 1911–1912 gg. Protokol ot 14 dekabrya 1911 g. Protokol ot 10 yanvarya 1912 g.* [Minutes of meetings of the State Council. 1-81. Session VII. 1911-1912 Minutes of December 14, 1911 Minutes of January 10, 1912].
47. RGVIA. F. 400. Op. 3. Ch. 1. Glavnyj shtab Voennogo ministerstva. O komandirovanii vojsk dlya preduprezhdeniya i podavleniya volnenij. D. 2103, 2116, 2135, 2167, 2181, 2200, 2221, 2245, 2279, 2300, 2321, 2341, 2383, 2399, 2471, 2423, 2442, 2746, 3214. [RGVIA. F. 400. Op. 3. Part 1. The main headquarters of the Ministry of War. On sending troops to prevent and suppress unrest. D. 2103, 2116, 2135, 2167, 2181, 2200, 2221, 2245, 2279, 2300, 2321, 2341, 2383, 2399, 2471, 2423, 2442, 2746, 3214.].
48. RGIA. F. 1620. Op. 1. D. 93.
49. Rediger A. *Istoriya moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra* [Story of my life. Memories of the Minister of War]. Vol. I–II. Moscow, 1999. 574 p.
50. Samojlo A. *Dve zhizni* [Two lives]. M., 1958. 275 p.
51. *Sankt-Peterburgskie vedomosti.* 1911. No 76. 5 april.
52. Sergeev E.Yu. “Inaya zemlya, inoe nebo”. Zapad i voennaya elita Rossii. 1900–1914 [“Another earth, another heaven.” The West and the Russian military elite. 1900-1914]. Moscow, 2001. 285 p.
53. Solomeshch I.M. *Finlyandskaya politika carizma v gody Pervoj mirovoj vojny* [Finnish tsarist policy during World War I]. Petrozavodsk, 1992. 95 p.
54. Suni L.V. O meste Finlyandii v voenno-strategicheskikh planah carizma v 80-e gg. XX v. *Skandinavskij sbornik* [About Finland's place in the military-strategic plans of tsarism in the 80s. XIX century. *Scandinavian collection*]. Tallin, 1976. P. 100–111.
55. Suni L.V. *Samoderzhavie i obshchestvenno politicheskoe razvitie Finlyandii v 80–90-e gg. XIX v.* [Autocracy and social and political development of Finland in the 80s-90s. XIX century]. Leningrad, 1982. 160 p.
56. Yutikkala E. *Istoriya Finlyandii s drevnejshih vremen do stabilizacii samostoyatel'nosti v 1939 g. Pribaltijsko-finskie narody. Istoriya i sud'by rodstvennyh narodov* [History of Finland from ancient times to stabilization of independence in 1939. *Baltic-Finnish peoples. History and destinies of kindred peoples*]. Yuvyaskyulya, 1995. P. 39–67.

Petukhova Aleksandra Pavlovna. Post-Graduate Student, Department of Russian History of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University. E-mail: egorovaal@yandex.ru